

СУБЪЕКТ ДЕКОНСТРУКЦИИ: РАЗЛИЧИЕ, ПРИСУТСТВИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ

Магда А.В.¹

¹ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83), e-mail: saratovrai1@gmail.com

---

В статье рассматриваются основополагающие для философской мысли Жака Деррида понятия различения («différance»), присутствия, становления в контексте постановки проблемы о субъекте деконструкции. Различение как раз и обозначает область напряжений, которые существуют в каждом знаке, повторяются и варьируются в нем. Игра отсутствия делает присутствие принципиально недостижимым. Хотя присутствие, по Деррида, принципиально недостижимо, сам поиск присутствия, его преследование в качестве необходимой цели постоянно вдохновляют науку и философию. Поиск трансцендентального значения, связанного с присутствием единого «Я», находится в сердце западноевропейской метафизики и науки. Деррида связывает истину с принципиально недостижимым присутствием из-за природы знаков, которая своим тотальным истинствованием подрывает любую попытку обнаружения и утверждения единственности той или иной истины.

Ключевые слова: различение, присутствие, становление, истина, единое Я.

THE SUBJECT OF DECONSTRUCTION: DIFFERENCE, BECOMING, PRESENCE

Magda A.V.¹

¹Saratov State University of N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia (410012, Saratov, street Astrakhanskaja, 83), e-mail: saratovrai1@gmail.com

---

The article discusses the concepts of difference, becoming and presence which are fundamental for Jacques Derrida's philosophical system in the context of exposition of the problem of the subject of deconstruction. Difference is just the name for the tensions that are presented, recurred and varied within every sign. Play of absence makes presence unachievable in principle. Though presence is unachievable in principle for Derrida, the search of presence, the pursuit of presence as necessary aim motivates science and philosophy. Search of transcendental meaning, which is at the heart of western metaphysics and science, is also connected with presence of unified «I». Derrida associates the truth with fundamentally unachievable presence because of character of signs which by its total truthfulness undermines any attempt to find out and confirm the single truth.

Keywords: difference, presence, becoming, truth, unified «I».

Система философии Деррида, естественно, в том смысле системности, какой придается этому понятию деконструкцией, сконцентрирована на выявлении напряжений (мест многозначности), особенно тех напряжений, которые мы часто не сознаем и регулярно отрицаем. Деконструктивистское различение (différance) обозначает напряжения, которые существуют в каждом знаке. Эти напряжения многократно повторяются в различных насыщенных значениями практиках жизни, и Деррида полагает, что сама жизнь являет нам себя, в первую очередь, через значения. С помощью различения становится понятным то, как действуют знаки. Знаки не являются ни словами, ни концептами, но, в тоже время, они могут выглядеть в своей совокупности и как слово, и как концепт. Знаки должны отличаться друг от друга и должны сочетаться друг с другом во времени и пространстве. Таким образом, деконструкция утверждает, что в каждом знаке есть различие, и что ни один знак не идентичен тому, что он выражает. Они находятся «под знаком стирания» (sousrature). Знаки отсутствуют сами в себе, обретая значение только в соотношении с

другим знаком, указывая на другой знак, который тоже отсутствует. Различение (*différance*) осуществляется как своеобразная «игра отсутствия» [2. С. 125], ведь, согласно Деррида, присутствие, будучи следствием различения, по своей сути недостижимо [2 С. 145]. Отсутствие играет главную роль в игре различения не только потому, что каждый знак указывает на что-то отсутствующее, но и потому, что знак должен отсутствовать сам. Таким образом, для того, чтобы знаки обозначали, необходимо не только различение, но также требуется отсутствие. Более того, знак обозначает через попытку сделать отсутствие присутствием и, таким образом, наше желание присутствия обязательно для значения. Деррида делает вывод, что различение действует повсюду потому, что нас постоянно окружают значения и знаки. Различение необходимо для формирования любых, а не только философских концептов; оно охватывает и превосходит философию, подчеркивает неизбежность перехода присутствия в отсутствие и наоборот, овременивания, как становления временным [2 С. 144].

Следующий пример поможет нам пояснить различение. Рассмотрим предложение: «Я в комнате». Так как вы прочитали это предложение, вы осведомлены, что в момент вашего прочтения Я (говорящий) *не* находится в комнате. Для читателя это Я отсутствует. Можно было бы возразить, что обманчивость этого предложения заключается в том, что оно записано. Деррида не согласен с этим и говорит, что при таком подходе теряется сущность высказанного [3 С. 135]. Безусловно, записанное «Я» не я. Это «Я» *отличается* от меня и *отсылает* ко мне одновременно во времени и пространстве. Кроме того, ситуация не изменяется, если я произношу приведенное выше предложение пока действительно нахожусь в комнате. «Я» – все еще знак, который действует через различение. «Я» должно сделать присутствующим что-то, чего нет и затем должно стать отсутствующим само по себе. Даже если находиться внутри монолога и настаивать на присутствии, т.к. «Я» не является инстанцией самосознания, мы не присутствуем в качестве чистого «Я». Все действия, ассоциируемые нами с «Я», сводятся к созданию внутренних знаков, которые действуют через различение. Деррида полагает, что все те коммуникативные проблемы, которые создают эффект присутствия, которые мы можем легче всего заметить в письменной форме, обнаруживаются повсюду в нашей жизни. «Язык это первое <...> письмо» [3 С. 48]. Это наводит на ряд вопросов, как может быть «отсутствие» без своей противоположности в виде «присутствия»? Если различение – «игра отсутствия», тогда мы должны познавать отсутствие постоянно. Как это возможно без оппозиции в виде присутствия? Деррида отвечает на такой вопрос следующим допущением: присутствие и отсутствие должны быть поняты «под знаком стирания». Пребывание «под знаком стирания» (что в некотором смысле является деконструктивистской версией гегелевской негации) делает неправильные с

точки зрения формальной логики концепты конструктивными. Деррида утверждает, что нет самих по себе отсутствия или присутствия, а только игра. Присутствие – игра, правила которой подлежат утверждению [2 С. 201]. Различение есть чистый след, остающийся после того, как понятие рассмотрено «под знаком стирания» [3 С. 69]. Аргументация Деррида продолжается через использование модельного представления о присутствии и отсутствии, т.е. отсутствии, которое мы имеем в наличии, и присутствии, за которое мы боремся, но не достигаем. В определенном смысле знаки движутся от отсутствия к отсутствию (отсюда различение как «игра отсутствия»). Деррида говорит: «Каким образом мыслить «*differance*» как обходной экономической маневр, который в рамках принципа того же самого всегда стремится найти удовольствие, где присутствие различается расчетом (сознательным или бессознательным), и, с другой стороны, «*differance*» как отношение к присутствию невозможному, как расходование без остатка, как невозместимую потерю присутствия, необратимое истощение энергии, даже как побуждение к смерти и отношение к совершенно другому, по видимости прерывающее всякую экономию?» [2 С. 193].

Важно отметить, что Деррида призывает использовать обе возможности здесь, хотя они не совместимы. Присутствие, как что-то, к чему мы стремимся и чего невозможно достичь. Различение приостанавливает присутствие. Но если присутствие недостижимо, то почему мы к нему стремимся?

Деррида считает, что мы преследуем присутствие для определенных выгод: «История и знание, *historia* и *episteme*, всегда и везде — а не только в области этимологии и философии — суть ни что иное как обходные маневры: их цель — переприсвоение (*reappropriation*) наличия.» [3 С. 125]. Хотя ни история, ни наука не могли никогда переприсвоить присутствие, они всегда основывались на невозможном желании остановить игру различения. Эта невозможность априорна из-за всех знаков, действующих через различение и в силу их первоначального значения. Как такая фундаментальная ошибка может оказывать столь сильное направляющее влияние?

Ответ деконструкции состоит в том, что существуют знаки, ведущие в сторону присутствия все вокруг. Другими словами, историки, метафизики и ученые не только лишь искали что-то абстрактное, которое, по их убеждениям, стало важным, они решили исследовать именно ту вещь, на которую каждый знак указывал (вспомним, что, по Деррида, знаки повсеместны). Но от философа требуется, на наш взгляд, все же гораздо большая убедительность, чтобы объяснить, почему присутствие, по-видимому, являющееся только техническим термином в его философии знаков, настолько сильно влечет человечество.

Деррида отвечает на подобное замечание идеей о том, что, преследуя присутствие, мы верим в преследование самих себя. Вновь обратимся к примеру, когда наше внимание не

обращено на присутствие ручки. Прежде всего, это происходит из-за общей незаинтересованности в присутствии ручки. Если мы скажем «эта ручка» равна ручке напротив, то допускаем ошибку, так как природа знаков не подразумевает равенство. «Эта ручка» отличается от ручки на столе. Отличается она во времени и пространстве, проявляется овременивание, как становление временным. Подобная ситуация становится намного более запутанной, когда мы говорим: «Я в комнате», потому что на первый взгляд разница между тем «Я» и я не так очевидна как между «ручкой» и ручкой. Кажется, что «Я» самоидентифицируемо, то «Я», которое осознает себя глубоко внутри нас. Но Деррида в работе «О грамматологии» отмечает, что представляющий нечто, всегда действует через интерпретирующий знак, становится сам знаком и так до бесконечности. Самоидентичность обозначаемого всегда находится в движении. Таким образом, свойства представляющего заключаются в том, чтобы быть собой и другим, быть представленным в виде системы ссылок, отделяющей его от себя [См. 3.С. 167].

Здесь Деррида настаивает на неразличимости «Я» и «ручки». Ни то, ни другое не присутствует. Действие знаков подчинено тому же механизму, они только отличают и отсылают друг друга к «бесконечности». Примером этого может служить то, что «Я» равняется «Андрей Магда», но это имя только знак, и фраза «кто-то был рожден 19 сентября 1991 года в больнице X» совсем не помогает мне полностью присутствовать. Сама эта фраза так же состоит из знаков, которые получают свои значения от других знаков.

Важно, что игра «Я» и «ручка» схвачена в игре отсутствия: «Можно было бы назвать игрой отсутствие трансцендентального означаемого, свидетельствующее о бесконечности игры, о сотрясении онто-теологии и метафизики наличия» [3.С. 173]. Деррида считает, что трансцендентальное значение единого «Я» находится в сердце западноевропейской метафизики, истории, науки. Следовательно, эти стремления основаны на желании минимизировать роль знаков в нашей жизни. Единение присутствия и истории/науки происходит через определенный вид письма. «Сама идея науки рождается в определенную эпоху письма» [3 С. 145]. Эта эпоха письма, согласно Деррида, отмечена превосходством речи как единственно должным способом коммуникации присутствия. Считалось, что письмо это в своем роде «речь», соединяющая присутствие. Для нашего исследования важно отметить, что превосходство речи и определенного рода письма предполагало возможность присутствия. Наукой и историей занимались люди, которые верили в единое и исследуемое «Я» и в то, что вещи в мире представлены так, как они действительно есть.

Вопрос действительно ли вещи представлены так, как они есть, обсуждался многими философами до Деррида. Хотя единое Я подвергалось критике в философии и до Деррида (наиболее значительно, пожалуй, со стороны Ницше), уникальность позиции французского

философа заключается в соединении присутствия внешнего мира с наличием собственного Я, а затем отрицания принципиальной достижимости присутствия. Размышляя таким образом, Деррида рассчитывает подорвать сами логоцентрические основы западной метафизики и истории.

Итак, Деррида объясняет нам погоню за присутствием тем, что через присутствие мы ищем себя, и это «Я» находится в основе науки и истории. Но тогда его позиция выглядит, очевидно, бессмысленной. Ведь если «Я» это эффект языка, а субъект как самосознание никогда не мог ясно показываться иначе, чем как самоприсутствие, а присутствие, в принципе, недостижимо, то мы приходим к абсурдному выводу, что у нас нет «Я» и, должно быть, Деррида ошибался. Но у Деррида есть собственный ответ на данную проблему, он считает, что мы обладаем «Я», но не можем при этом определить себя как самоприсутствующих. Как это возможно?

За основу для ответа возьмем прочтение Деррида Ницше. Рассмотрим отрывок из «Воли к власти»: «Не существует единой целой воли. Существуют чередования воли, которые то увеличивают, то теряют свою власть» [6 С. 121]. По Деррида, особое внимание Ницше к «забытию» знания находится в центре всего решения Ницше проблемы «Я». Можно считать, что не существует постоянного «Я», тогда как немецкий философ забывает «Я» и отстывает свое забытие. Подобное одновременное использование и неиспользование заметно в предвосхищении «sousrature». Согласно Деррида, Ницше оперирует множеством стилей и делает ударение на стили (как и сам Деррида) из-за существования проблемы говорящего, частично заключающейся в том, знает ли в настоящий момент говорящий, что есть такая проблема или он «забыл» о ней. Нет единого Я, мы оставлены один на один с игрой, с чистым стилем. Но что можно сказать позитивно о «Я»? Делая то, что мы обычно делаем, например, используем слово «Я», должно забыть, что была показана его обманчивость, что оно находится «под знаком стирания».

Может ли деконструкция дать позитивный ответ на вопрос о «Я»? Родственные, хотя и отличающиеся от деконструкции взгляды, мы находим у Витгенштейна и Ницше. Обратимся сперва к «Логико-философскому трактату», где Витгенштейн пишет, что предложения не просто смесь слов, как мелодия в музыке не смесь нот [1 С. 276]. Объекты взаимодействуют друг с другом как ячейки в цепочке. Так или иначе, Витгенштейн утверждает, что предложения имеют свою силу и направление, следовательно, они объединяются в определенные структуры, словно мелодия, мебель в комнате или цепь. Австрийский философ сравнивает предложения со стрелой [1 С. 61]. Метафора предложения и стрелы крайне показательна. Как и знак, стрела всегда в полете, покидая одно место на

своем пути к другому, но стрела действительно достигает своего места, совсем не как знак. Это движение, эта игра и есть различение.

В «Веселой науке» Ницше делает особое ударение на проблеме «Я» в нескольких идущих подряд отрывках [5 С. 90-92], где он обсуждает сознание как нечто, сопутствующее инстинктам, и, говоря о безнадежном положении самопознания, оглашает призыв к тому, чтобы стать теми, кто мы есть. «Я» сравнивается им с мелодией, со структурой, которую мы выделяем. «Я» это только структура, которую мы пытаемся выделить, а стиль позднее становится чем-то с большим значением. В действительности, мы не выбираем стиль, существует только определенная структура, а стиль это есть мы сами.

Отметим еще раз, что если «Я» – мелодия, то такое «Я» окончательно не определено. Знак, как слова или ноты, не просто безжизненно зависли между присутствием и отсутствием. Деррида утверждает, что они могут соотноситься друг с другом, «играть». Серьезно подойти к «различению» и «игре» означает увидеть связанность знаков в сложную структуру под действием их силы. По Деррида, знаки соединяются, образуя текст. Текст может всегда быть одновременно открытым и не поддающимся расшифровке, даже без нашего знания о его не расшифруемости. Другими словами, хотя структура и существует, здесь ее нет. Нет способа сказать, что это *тот самый* текст, как нет способа сказать, что это *то самое* «Я» или та же самая мелодия.

Развитие идеи Деррида о «Я» подобным образом помогает нам разрешить другую проблему, с которой мы сталкиваемся. Деррида не чувствует ностальгии о присутствии. Как можно быть настолько заинтересованным в этом важном исследовании, но при этом не испытывать тоски по временам, когда мы не осознали тщетность нашего поиска? Французский философ отвечает, что мы остаемся собой, даже если не можем (несмотря на наши желания) быть представленными себе. Ответ дается в окончании работы «Голос и феномен» – хотя и нельзя достичь присутствия, но это не повод для отчаяния. Это повод для игры, для все большего усиления звучания нашего голоса.

Следует отметить, что Деррида и деконструкция в принципе отрицают существование привилегированной перспективы в любом из ее видов и жанров. Можно предпочитать одну перспективу другой, но нет оснований для абсолютизации какой-то одной перспективы. Каждое такое предпочтение основывается на истинности присутствующего взгляда, Деррида же связывает истину вовсе не с данностью и присутствием. Выше была упомянута принципиальная невозможность обнаружения присутствия в силу природы самого знака, которая подрывает каждую попытку обнаружения и утверждения присутствия. Не существует истинной интерпретации книги, т.к. это бы означало, что книга есть каким-то образом устоявшаяся вещь, созданная устоявшимся «Я». Как происходит становление

истины в философской системе Деррида? Не вызывает удивления мнение Деррида о том, что Ницше так же полагает существование бесконечного числа интерпретаций, а среди них ни одна не может перевешивать другую. Критикуя общепринятое понятие об истине, как о чем-то независимом, неизменном и способным быть открытым, он, согласно Деррида, обходится без присутствия истины [7 С. 77]. Однако, вывод Ницше относительно «картезианского я» не столь радикален, как у Деррида (мы вообще не обладаем подобным «Я»), Ницше просто считает, что стремиться к неизменной сущности истины есть признак болезни и слабости.

Комментируя ницшеанские размышления об истине, Деррида в своей работе «Шпоры. Стили Ницше» обращает внимание на метафорический образ истины в виде женщины у Ницше. По Деррида, Ницше ассоциирует становление истины с женщиной. У истины, как и у женщины, для Ницше нет сущности, т.к. она выдерживает дистанцию, находясь в постоянном переходе, в собственном становлении, отстраняя от погружения в присутствие и отстраняясь сама. «Нет никакой истины женщины, и это потому, что это бездонное отстранение истины, эта не-истина есть «истина». Женщина — имя этой не-истины, истины» [4 С.124]. Истина всегда относится не к бытию, но к становлению.

Деррида пишет о становлении в контексте различения как о внутреннем порядке становления истины, различение есть бесконечная «игра отсутствия», игра, в которой знаки не останавливают свое движение от отсутствия к отсутствию. Присутствие в своей полноте оказывается недостижимым, хотя человек стремится к нему на протяжении всей истории, поскольку история может продолжаться только при встрече того, что есть (наличного бытия) с тем, чего еще нет (будущим, отсутствием). Столь упорное стремление к присутствию объясняется иллюзорной связью присутствия и нас самих, т.е. мы рассчитываем, преследуя присутствие, обрести вместе с ним самих себя. Различения выступает ключевым понятием в описании этой игры присутствующего и отсутствующего, в которой активно участвуют знаки. Здесь, опять, различение одного знака от другого создает различные структуры значения и области интерпретации. Деррида демонстрирует, что значение текста не исчерпывается лишь одной логоцентрической интерпретацией, текст постоянно открыт множеству возможных в языке значений и интерпретаций. Ни одна из интерпретаций текста не может полностью выражать всю его истину, тем более, быть очевидной в том смысле, как понимали очевидность картезианство и феноменология. Такое положение дел не должно удивлять, потому что текст постоянно балансирует в интерпретативном пространстве возобновляющихся споров «истины» и «не-истины». Утверждая в чем-то диалектический тезис о том, что «не-истина» есть «истина», французский философ говорит о многих возможных вариантах выявления истины в поле значений текста [4 С. 124]. Сама связь

истины и недостижимого присутствия, истины и становления не позволяет существовать истине в какой-либо фиксированной единственной привилегированной перспективе.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.
2. Деррида Ж. Голос и феномен. Спб.: Алетейя, 1999. 208 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: AdMarginem, 2000. 512 с.
4. Деррида Ж. Шпоры: Стили Ницше. // Философские науки. 1991. № 2. С.118-129.
5. Ницше Ф. Веселая наука. М.: Азбука, 2010. 352 с.
6. Ницше Ф. Воля к власти. М.: REFL-book, 1994. Т. 2. 380 с.
7. Behler, Ernst. Confrontations Derrida/Heidegger/Nietzsche. Trans. Steven Taubeneck. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Рецензенты:

Позднева С.П., д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов;
Косыхин В.Г., д.филос.н., профессор кафедры философии и методологии науки Саратовского государственного университет им. Н.Г. Чернышевского., г. Саратов.